

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1'367.6

ТЕРМИНОЛОГИЯ НАИМЕНОВАНИЙ ПОЛЯ «ЧАСТИ РЕЧИ» В ПРЕДСТАВЛЕНИИ КАЗАНСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Е. В. Акимова

Нижевартовский государственный гуманитарный университет
кафедра филологии и массовых коммуникаций

Статья посвящена изучению терминологии Казанской лингвистической школы с опорой на материалы языковедов XIX – первой трети XX вв. в сравнительно-сопоставительном плане. Путём сравнения терминов поля «части речи» и соответствующих дефиниций, используемых разными авторами, определены причины различий и основные направления эволюции специальных наименований из области морфологии.

Ключевые слова: *русская грамматика, части речи, полнзначные слова, словечки отношений, частица*

Грамматическое учение В. А. Богородицкого восходит к «Русской грамматике» А. Х. Востокова, которому удалось наметить основные грамматические категории, связанные с каждой из частей речи, и охарактеризовать их с достаточной полнотой [2, с. 11]. Источником наименований морфологической подсистемы, которой пользуется казанский исследователь, являются стабильные учебные пособия его предшественников по русской грамматике. При этом формальная или семантическая адаптация терминов определяется степенью разработанности теоретических вопросов русской грамматики и личной позицией В. А. Богородицкого в осмыслении частных морфологических явлений русского языка.

Под рубрикой «значение части речи» учёным понимается наличие или отсутствие способности слова иметь «полное собственное значение». Слова с собственным значением В. А. Богородицкий именуется мотивированным двухсловным термином *полнзначные слова*, зависимый компонент в котором выражает значение «обладание полнотой признака» [15, с. 503]. «Слова без собственных значений» он назвал вместо предполагаемого термина «неполнзначные слова» *словечками отношений или частицами* (здесь и далее выделено авт. – Е. А.) [2, с. 152].

Номинацией *словечки отношений* («Словечко – уменьш. название “единицы речи”») [15, с. 674]) учёный стремится передать всю совокупность присущих им функциональных признаков: «Что касается слов или словечек ... то сюда относятся *предлоги и союзы*» [2, с. 154].

Для ряда «словечек», не совпадающих по функции с союзами и предлогами, В. А. Богородицкий актуализирует термин М. В. Ломоносова *частицы/частички* [15, с. 812; 22, т. 2, с. 376]. Благодаря толкующей части определения термин *частица* в русском языкознании получает «статус гражданства»: «Некоторые словечки с пониженной знаменательностью не подходят ни под ту, ни под другую из указанных групп (предлоги и союзы –

Е. А.), а потому могут быть просто называемы *частицами* или *частичками* [2, с. 154]. Терминологическому противопоставлению *полнозначные слова – словечки отношений, частицы* в русских грамматиках соответствует дихотомия *главные* или *знаменательные части речи – служебные части речи*: «Говоря о частях речи знаменательных или имеющих собственное значение, носителем которого является основа, нужно ещё заметить, что полное своё значение <...> они получают лишь в предложении, становясь членами предложений» [2, с. 154]. Термин *служебные части речи* В. А. Богородицкий не использует («Служебный – *перен.* вспомогательный, подсобный, второстепенный. В грамматике: служащий для выражения отношений между основными категориями слов и речи» [15, с. 675]). Автор «Российской грамматики» главным признаком служебности считал несамостоятельность, зависимость, что и послужило причиной отнесения к служебным словам местоимений, наречий и причастий [11, с. 47].

Классификация частей речи у В. А. Богородицкого основывается на категориях языкового смысла, недостаточно учитывающих морфологические показатели [20, с. 34–35]. Именно по этой причине к «самостоятельным словам» он относит только имя существительное, личные местоимения, глагол, а к «несамостоятельным» – все другие полнозначные слова. И. А. Бодуэн де Куртенэ справедливо критиковал эту классификацию частей речи: «Вполне прав профессор Богородицкий, считая части речи «действительными категориями ума», но при их распределении он смешивает, как это постоянно водится, принципы классификации ...» [3, т. 2, с. 47].

Термин *полнозначные слова*, наравне с термином *знаменательные слова* активно функционирует в современной русистике, так как наукой востребован контрадикторный термин *неполнозначные слова*: «Вся эта система примет следующий вид: 1) полнозначные слова, 2) неполнозначные слова, 3) располагающиеся между двумя первыми классами и на периферии модальные слова, 4) междометия» [11, с. 57].

Именам прилагательным («Слово «прилагательное» (от инд.-евр. *leg – «лежать» [22, т. 2, с. 475]; «Прилагательный – адъектум номэн» [16, с. 257]) в грамматическом значении впервые зафиксировано в безымянном памятнике начала XVI в.» [19, с. 39]) и числительным («Числительное – словообразовательная калька лат. *numerale*, суф. производного от *numerus* “число”. В словарях отмечается с 1704 г.» [23, т. 2, с. 365]) в грамматическом изложении В. А. Богородицкого отводится скромное место.

Несмотря на логико-понятийную недостаточность определения имени прилагательного у В. А. Богородицкого, нельзя не признать, что основное значение этой части речи все же состоит в том, что она называет свойства, качества, данные в предмете. С учётом этих оснований строится дефиниция термина в «Грамматике русского языка»: «Имена прилагательные обозначают признаки предметов непосредственно или через отношение этих предметов к другим предметам» [12, с. 281]. В своё время А. А. Потебня остроумно замечал: «... если останемся при определении прилагательного как признака, то станем на точку зрения Недоросля, с которой слово дурак – прилагательное, потому что прилагается к глупому человеку» [17, т. 2, с. 87]. Это замечание выдающегося грамматиста нашло отражение в современных представлениях об этой части речи: «Исследования в области прилагательных должны быть направлены на изучение взаимосвязи содержания и формы прилагательных, их взаимодействие не только

между собой, но и с другими частями речи в процессе исторического развития» [14, с. 82].

В. А. Богородицкий, вслед за А. Х. Востоковым, наличие двух форм прилагательных называет *сложными прилагательными* и *простыми прилагательными*. У А. Х. Востокова эти термины демонстрируют исторический взгляд на образование форм: прилагательные, имеющие в своём составе местоимение, учёный называет *сложными прилагательными*, «прилагательные несложные с личным местоимением» – *простыми* [6, с. 14]. У В. А. Богородицкого в качестве мотивирующего признака выступает синтаксическое различие форм: «... *простая* – для сказуемого (напр. красен, -а, -о) и *сложная* – для определения (красный, -ая, -ое)» [2, с. 220]. Соотносительная терминологическая пара *простые прилагательные* – *сложные прилагательные* может квалифицироваться как устаревшая. Эти термины впервые фиксируются в одной из работ Ф. И. Буслаева: «Имена прилагательные бывают: или краткие, напр., *добр-ъ, добр-а, добр-о*, или полные, образованные приложением местоимения и к окончанию прилагательных кратких; напр., добрый (т. е. Добрь - И - И)» [5, с. 62].

Взгляд казанских исследователей на статус числительных как части речи не был однозначным. Профессор А. И. Александров поддерживает точку зрения М. В. Ломоносова, выделившего имена числительные как самостоятельную часть речи, разделив их «первообразные» (количественные) и «производные» (порядковые, собирательные) и слова типа «полтора», «полтретья» [12, с. 475–479]. Автором современных терминов *количественные числительные* и *порядковые числительные, собирательные числительные* был А. Х. Востоков [7, с. 43]. Для формальной организации терминов учёным используется родовый термин *имя числительное* и слова-конкретизаторы общелитературного языка в их прямом значении: «Количественный – к количеству относящийся»; «сколь многочисленный, сколь значительный» [21, т. 1, с. 125]; «Порядочный – идущий порядком, по порядку, сряду» [9, т. 3, с. 327]. Дальнейшим развитием учения об именах числительных у А. Х. Востокова явилось выделение третьей их разновидности – *собирательных числительных*. Этот термин фиксируется в седьмом издании Грамматики [7, с. 45]. Грамматическое значение лексемы «собирательный» фиксируется уже во втором издании словаря В. И. Даля: «Собирательное – имя, грамматически заключающее в единственном числе множество» [9, т. 4, с. 141].

Против трихотомии в классификации имён числительных возражал А. И. Александров: «Числительные представляют собой две группы: количественные (*cardinale*) и порядковые (*ordinale*). Востоков напрасно выделяя ещё и собирательные» [1, с. 18].

Термин *имя существительное* окончательно закрепляется в стабильных учебниках благодаря трудам Ф. И. Буслаева. Термины-словосочетания *имя существительное конкретное* («Конкретный – предметный, реально существующий» [4, с. 322]), *имя существительное абстрактное / имя существительное отвлечённое* («Абстрактный – отвлечённый» [4, с. 10]), сохраняя в качестве базового компонента общую категориальную сему, наполняются разным смысловым содержанием благодаря дифференциальным признакам, каждый из которых соотносится с одноименным разрядом существительного по его лексическим свойствам, демонстрируя согласование формы и содержания.

Характеризуя грамматические свойства имени существительного, В. А. Богородицкий реанимирует термин *член*, механически перенесённый славянскими книжниками из античной грамматической традиции, где выделялся в качестве самостоятельной части речи: «Артикль (лат. *articulus*) – *грам.* член, частица, прилагаемая в некоторых языках к существительному и придающая ему значение определённости или неопределённости [4, с. 68].

В зависимости от интенсивности проявления указательного признака, В. А. Богородицкий дифференцирует член на *определённый член* и *неопределённый член*. В. А. Богородицкий не был автором этих средств выражения. Они были заимствованы учёным из немецкой грамматики, которая традиционно различает определённые и неопределённые артикли (члены): «Определённый артикль указывает на известный, выделенный из класса подобных предмет и выполняет функцию референции к действительности вне текста и анафорическую функцию в тексте. Неопределённый артикль указывает на некий невыделенный предмет как представитель класса подобных предметов» [13, с. 45]. По данным К. Г. Крушельницкой, специализированные лексемы «определённый / неопределённый» [10, с. 45]) встречаются в «Немецкой грамматике» М. Шванвица (1762). В «Немецкой грамматике» Гелтергофа (1755) прилагательные, которые имеют при себе определённый член, именуются определёнными, имеющие же неопределённый член – неопределёнными [10, с. 46].

Смелая попытка А. В. Богородицкого актуализировать термин *член* исключительно объяснением его происхождения – «*понижением значительности указательного местоимения*» – исследователями не была принята. Очевидно, прав был Н. С. Поспелов, когда говорил о том, что выделение частей речи у В. А. Богородицкого не всегда основывалось на их грамматической характеристике – иногда она подменялась «семантическими и психологическими соображениями» [18, с. 21].

Список литературы

1. Александров А. И. Морфология старославянского языка. Казань: Типо-литография Университета, 1909. 222 с.
2. Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики (из университетских чтений). М.: КомКнига, 2005. 556 с.
3. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. I. 384 с. Т. 2. 376 с.
4. Большой словарь иностранных слов в русском языке (БСИС). М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф; ООО «Полус», 2001. 816 с.
5. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учгиз, 1959. 624 с.
6. Востоков А. Х. Грамматические правила славянского языка, извлечённые из Остромирова евангелия // Срезневский, И. И. Филологические наблюдения А. Х. Востокова. СПб.; М., 1865. С. 14–76.
7. Востоков А. Х. Грамматика церковно-словенского языка. СПб.; М., 1863. 134 с.
8. Востоков А. Х. Рассуждение о славянском языке // Срезневский И. И. Филологические наблюдения А. Х. Востокова. СПб., 1865. С. 1–27.

9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. IV.
10. Крушельницкая К. Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языка. М.: Изд-во литературы на иностр. языках, 1961. 466 с.
11. Леденёв Ю. И. Неполнозначные слова: уч. пособие к спецкурсу. Ставрополь: СГПИ, 1988. 87 с.
12. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.; Л.: АН СССР, 1952. Т. 7: Российская грамматика. 993с.
13. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС). М.: Советская энциклопедия, 1990. 850 с.
14. Лукин М. Ф. О широком и узком понимании прилагательных в грамматиках современного русского языка // Филологические науки. 1991. № 1. С. 74–82.
15. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Иностранные и национальные словари, 1953. 848 с.
16. Поликарпов Ф. Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских. М., 1704. 403 с.
17. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике: в 4 т. М.: Учпедгиз, 1958. Т. 2. 536 с.
18. Поспелов Н. С. Учение о частях речи в русской грамматической традиции. М.: Изд-во МГУ, 1954. 32 с.
19. Рупосова Л. П. Формирование терминологии гуманитарных наук в русском литературном языке. М.: МОПИ, 1987. 80 с.
20. Салимова Д. А. Классификация частей речи в грамматических построениях В. А. Богородицкого // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: междунар. науч. конф. (Казань, 11–13 дек. 2001г.): в 2 т. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2001. Т. 1. С. 34–35.
21. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. М.: ГИС, 1958. Т. 1. 919 с.
22. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Астрель: АСТ, 2009. Т. 2. 671 с.
23. Шанский Н. М., Тихонов А. В. Современный русский язык: в 3-х ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология. М.: Русский язык, 1981. 385 с.

TERMINOLOGY OF THE DESIGNATIONS OF THE FIELD "OF THE PART OF THE SPEECH" IN THE IDEA OF THE KAZAN' LINGUISTIC SCHOOL

E. V. Akimova

Nizhnevartovskiy state humanitarian university
The department of philology and mass communications

Article is dedicated to the study of the terminology of Kazan' linguistic school with the support to the materials of the linguists XIX – of first third OF XX of the substances in the comparative – comparative plan. By the way of the comparison of the terms of the field "of the part of the speech" and the corresponding definitions, utilized by the different authors, are determined the reasons for differences and the basic directions of the evolution of special designations from the field of morphology.

Key words: *Russian grammar, the part of the speech, the meaning-bearing words, the words of relations, particle*

Об авторе:

АКИМОВА Елена Виталиевна – аспирантка кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартковского государственного гуманитарного университета (628605, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56), e-mail: lena.akimova70@mail.ru